

Манифест украинского милитаристского/ немилитаристского феминизма

Ирина Жеребкина

Есть ли сегодня у Украины шанс завершить эмансипаторный проект выдающегося харьковского писателя периода «расстрелянного возрождения» Мыколы Хвильового – «Прочь от Москвы, лицом к Европе»? В 20-30-ые годы прошлого столетия – годы ожесточенной борьбы за украинскую национальную независимость, развернутой ОУН, этот лозунг с энтузиазмом подхватили зачинательницы украинского милитаристского феминизма, активистки Союза Украинок, такие как Олена Федак-Шепарович: «Сейчас не время для украинской женщины думать о мире, верить красивым, но сомнительным лозунгам «всеобщего мира и свободы», тогда как женщины соседей уже годами готовятся к войне, – писала Федак-Шепарович в 1929 году. – На наших глазах все кадры польских женщин проходят военное обучение и изучают все виды военного искусства. Им помогают женские организации так же, как и все общество, правительство, воспитатели. Главной задачей украинской женщины является прежде всего труд для освобождения нации, которая должна создать в условиях,

В современной Украине средний класс, который в западной традиции политической философии традиционно считался либеральным – правым или левым – оказался гегемонизирован национально-народной повесткой. В результате «либеральный» политический жаргон оказался противопоставлен не «консервативному», а «национально-народному».

Политики национально-народных левых в свою очередь нарушают сегодня основополагающий марксистский принцип классовости (условие «верности» марксизму»). Поэтому время двух последних революций в Украине («Оранжевой» и «Достоинства») оказывается очень креативно для левой мысли. В ходе этих революций не только отсутствовала центральность рабочего класса, но и антиколониальная субъективность формировалась как милитаристски мобилизованная. Иначе говоря, мы столкнулись с взрывом новых идентичностей с комплексной логикой артикуляций, которая изменила онтологическое поле политики.

в которых мы действуем, свой собственный особый феминизм».¹

Однако идее украинской женской милитаризации Федак-Шепарович был нанесен коварный удар как раз со стороны Европы. Узнав о провозглашении ООН независимого украинского государства, союзного с Германией и основанного на ницшеанской идеологии «деятельного национализма» Дмитра Донцова, Гитлер, известный поклонник Ницше, пришёл в бешенство и приказал «растоптать тех, кто допустил это славянское свинство».² К сожалению, Гитлер не читал Донцова и не знал о родственных немецким нордических корнях украинцев. Однако были и внутренние препятствия для украинского женского милитаризма: в отличие от СССР, задекларировавшего гендерное равенство, где украинские женщины активно мобилизовывались в Красную армию и участвовали в военных действиях не только в составе партизанских отрядов и диверсионных групп, но и на передовой, в качестве летчиц, танкисток и др., в том числе на командных должностях, в ООН и УПА женщины принимали участие в основном в качестве медсестер и связниц, занимавшихся сбором разведданных.³

Как же украинским феминисткам, вставшим на путь войны против неантропологической силы – совкового «Мордора», «радикального зла» доказать, что мы – укра-

Как немилитаристскому украинскому феминизму реализовываться в этой ситуации? Настаивать на ортодоксальном марксизме (как маоисты и троцкисты)? Игнорировать вообще марксизм (ведь прошли времена, когда эмансипаторные политические субъективности были заключены в классовые идентичности: сегодня мы давно уже говорим о рассеивании и пролиферация социальных агентов)? Или настаивать на интердискурсивности марксистских и социалистических политических стратегий?

В контексте этих новых феноменов в политическом и социальном полях Шанталь Муфф продолжает настаивать на необходимости мобилизации, которая превышает возможности существующего институционального контекста. Речь идет о горизонтальном измерении «автономии» = «логике эквивалентности». В то же время горизонтальное измерение автономии, предоставленное самому себе, не может обеспечить длительные исторические изменения и поэтому должно быть дополнено вертикальным измерением «гегемонии» – т.е. радикальной трансформацией государства. Автономия, предоставленная самой себе, рано или поздно приведет к истощению и рассеиванию протеста. А гегемония, не сопровождающаяся массовыми действиями на уровне гражданского общества, ведет к бюрократизации и даже колонизации

инки (которые, как сформулировано в известном стихотворении молодой украинской поэтессы Анастасии Дмитрук, не были и не будем «мордорским» нелюдям «братьями») являемся европейцами не только по критерию территории? Ведь мы уже преодолели наконец комплекс гегелевского раба как субъекта выживания и стали рисковать своими жизнями в войнах, что в представлении патриархатной философии Гегеля было присуще только Господам. Например, подобно отвергнувшему рабские ценности выживания гегелевскому Господину рисковала своей жизнью на войне бесстрашная Виктория Дворецкая доброволка с позывными «Дикая». Вот рассказ «14 месяцев счастья. История одной женщины на войне» о Виктории Дворецкой. Отважная девушка провела всю зиму на Майдане и оттуда уехала в зону АТО. Олигархическому глянцево-му журналу «Фокус» Виктория Дворецкая рассказала, почему война для неё стала лучшим временем в жизни.

« — Вы скучаете по тому времени?

— Я скучаю вообще по войне. Мне странно приезжать на полигон и встречать там незнакомых людей, которые говорят, что они — это «Айдар». Настоящий «Айдар» — мы, те, кто был в самом начале».

Вика тоскует по «Айдару», по ребятам, с которыми она прошла войну, так же, как я по университе-

корпоративной властью сил любых социальных движений, в том числе феминистских. Должны ли украинские феминистки в такой ситуации продвигаться одновременно в направлениях автономии и гегемонии для демократического будущего страны?

Не забудем, что гегемония — это отношение, посредством которого определенное содержание функционирует как инкарнация отсутствующей полноты демократии.

Как украинским феминисткам гальванизовать воображение масс и превратить его в политическое действие? Муфф не предлагает использовать ни синдикалистскую всеобщую стачку, ни катастрофическую революцию Маркса, ни утопию как чистую интеллектуальную конструкцию, то есть как проект возможного идеального общества. Ведь если забастовка оказывается успешной, а её единственной целью выступает партикулярное требование феминизма освобождения от патримониальной линейной традиции, то успех феминизма ведет к демобилизации, например, рабочих и других бесправных.

В свою очередь всеобщая стачка Сореля с её бесконечными задачами легко превращается в миф как классический пример «пустого означющего», считает Муфф.

Тезис Ленина «бастовать вместе и выступать отдельно» чреват риском выбора кратковременной

ту. Так же, как все люди тоскуют по времени, в котором они были молодыми и беззаботными. Для Вики это время — война.

« — Вы и до войны были феминисткой?

— Никакая я не феминистка. Я люблю мужчин».⁴

А это короткий, но исчерпывающий рассказ Ирины Гаркавенко — женщины-командира с позывными «Марго», возглавившей отряд мужчин-побратимов, опубликованный в передовой газете «Украинская правда» о разговоре по телефону с дочкой о своём решении защищать Родину. Маленькая девочка полностью поддержала решение мамы отправиться на войну, сказав:

“Мама, когда вы поубиваете всех врагов, то придёте домой».⁵

Однако, несмотря на отважную и решительную, по-гегелевски господскую наконец-то идеологию украинского женского и феминистского милитаризма, немецкая депутатка Корнелия Эрнст отказывается признать её статус господской, предупреждая активисток украинского милитаристского феминизма о том, что никто в ЕС не ведёт речь о вступлении Украины в ЕС. Наоборот, заявляет Корнелия Эрнст, «Мы говорим про сотрудничество и мирное развитие». И далее — «Мы должны отталкиваться от тех пра-

стратегии движения, не учитывающей движение от контингентного начального пункта к его консолидации в аналогии, или движение от метонимии к метафоре.

Однако фигуры и тропы классической риторики, применяемые для современной постмайданной мобилизации феминистских украинских масс (прежде всего метонимия и метафора), являются вспомогательными средствами традиционной онтологии.

Поэтому в современном политическом контексте уместнее обратиться к катахрезе, не имевшей статуса фигуры в классической риторике до начала 19 века. Катахреза, вводящая нестираемую границу между буквальным и фигуральным именами, способна обеспечить максимальную гибкость любому политическому движению, в том числе украинскому немилитаристскому феминизму. Как только необходимая гибкость достигается, обмен между двумя крайностями (буквальным и фигуральным), ре-тотализация феминизма становится невозможной.

В то же время неустойчивое равновесие между гетерогенностью и смежностью катахрезы может придать украинскому немилитаристскому феминизму артикулирующую силу, обеспечивающую статус необходимости. В следах (контингентной) смежности, пятнающей любые аналогии, может возникнуть временно автономное и гегемонное

вительств и стран, которые там уже есть. Как женщина с левыми взглядами я много критикую собственную страну, но я не хочу покинуть её». ⁶ Что же делать? Как украинским милитаристским феминисткам совершить жест **double bind** – как жест движения прочь от Москвы (или «прощай, немытая Россия») и одновременно – движения Украины своим собственным путем, сохраняя свой собственный милитаристский феминизм, отказавшись следовать обывательскому желанию покинуть родную страну ради прибыльной работы в ЕС?

В то же время, как показал ещё Кант, лишиться чувства удовольствия от войны женскому субъекту не так-то и просто. Кант обнаруживает это в контексте критики редукции (в метафизике Вольфа и Лейбница) любых противоположностей к формально логическим противоречиям (типа А или не-А) противопоставив логическим противоречиям «реальное противоречие», в котором, в отличие от понимания противоречия в метафизической традиции, оба полюса оказываются позитивными. В качестве примера он приводит ситуацию, когда два противоположных ветра не отрицают, а компенсируют друг друга. Аналогичный эффект возникает, по мнению Канта, в случае спартанской матери, узнающей о героической смерти своего сына: когда она узнает, что её сын героически сражался за родину, «прият-

отношение, способное обнаруживаться в любом актуальном историческом событии с его особенными дескриптивными чертами.

В то же время немилитаристский феминизм в Украине должен научиться задействовать формы современного политического антагонизма, функционирующего как совместность «логики различия» и «логики эквивалентностей». Только в этом случае немилитаристские украинские феминистки смогут поставить под сомнение предположительно гуманистическое общечеловеческое бытие, предлагаемое нам в качестве непроблематичной сущности (история человечества).

Здесь мы напомним о фармаконе как ассамбляжной фигуре, нарушающей логику милитаризма: в этой фигуре два тела связаны между собой «общим понятием», функционирующим, как в логике Спинозы, отнюдь не в качестве абстрактного понятия, но как чистого события. Например, события войны. В этом случае возникает временное единство становления, не означающее, тем не менее, редукции всех врагов к общности, обеспечивающей исчезновение органического национализма. Криминальные элементы на войне, которых часто выпускают из тюрем как зачинщиков кровопролития, удобны тем, что, не имея опознавательных знаков, оказываются не способны различать друг друга в терминах основной дихото-

ное чувство удовольствия наполняет ее душу». ⁷ Однако далее, когда ей сообщают, что ее сын при этом пал славной смертью в битве, это известие, как замечает Кант, «значительно уменьшает её удовольствие». ⁸ В то же время удовольствие спартанской матери не исчезает окончательно и не переходит в свою противоположность – неудовольствие. Ведь она находит в смерти сына нечто позитивное, структурно аналогичное чувству современной патристически мыслящей матери, в том числе украинской. В результате, если следовать Канту, психологическая оппозиция удовольствие/отсутствие удовольствия и для спартанской, и для современной украинской матери не отличается от метеорологической, в его примере – от отношения восточного и западного ветров. ⁹ Но на этом аналогия не заканчивается.

Удовольствие как субъективное чувство включает идентификацию агента с этим чувством в той степени, в которой противоположное удовольствию чувство хотя и ставит под вопрос идентичность агента, в то время же время предполагает, как считает Кант, что эти чувства подобны столкновению между ветрами – то есть чисто метеорологическому феномену, в котором идентичность любых женских милитаристских субъективностей не нарушается. На этом примере Кант хочет показать, что противоположность удовольствию само есть нечто позитивное.

мии милитаристского мышления – друг-враг, принимая форму фармакона как временного единства становления. Однако как правило их быстро уничтожают, и воевать начинают уже органические этносы, а не неорганицистские и неэссенциалистские ассамбляжи становления. **Войну останавливает импотенность**, которая может быть обеспечена с помощью феминизма, понимаемого как теория политического, – т.е. при условии, что феминизм не становится натуралистическим и националистическим.

Средством мобилизации немилитаристского украинского феминизма является также аллегория – фигура, порождающая онтологический избыток, обеспечивающий невозможность тотальности гегемонного дискурса (милитаризма).

Аллегория как фигура логики немилитаризма важна для феминизма также и потому, что традиционно идентифицируется с формой «женского», создаваемого «вращательным» механизмом коллективного фантазма, не предполагающего для субъекта ни точки зрения наблюдателя (за другими), ни изоляции, ни одиночества высказывания. (Здесь важно учитывать различие «вращательности» в логике монад Лейбница и антиномий Канта). На логике последнего основываются солидаризирующиеся с феминизмом левые (например, постмарксисты Лаклау и Муфф), разрабатывая понятия субъек-

Не можем ли мы исходя из этого утверждать, что решающий вклад в формирование современного ассамбляжа идеологии милитаризма и феминизма в Украине в контексте проекта европеизации способен обеспечить перифраз дерридианского понятия «грядущей демократии» (фиксирующий такую характеристику демократии, когда современные формы демократии никогда не отвечают требованиям «настоящей демократии», приобретая модус «грядущего» как онтологической незавершенности и откладывания) в понятие «грядущего союза». Парадоксом модуса «грядущего» как характеристики демократии (так же как и «грядущего союза» украинского милитаристского феминизма с европейским – собственно, как и союза Украины с ЕС) оказывается функционирование в форме **double bind** – с одной стороны, в модусе никогда не идентичном форме любого возможного «будущего», а, с другой стороны, как актуальной возможности, реализующейся в режиме перманентного «откладывания». В этой ситуации нам, украинским милитаристским феминисткам, не остаётся ничего другого, как следовать, не смотря ни на что, логике бескомпромиссных милитаристских выборов, настаивая на своём решении решать в ситуации неразрешимости.

ект-позиций, предполагающие возможность даже в ситуации агрессии выходить за её пределы – вращательно, **как в оргазме**, возвращаясь и не обращаясь к категориям традиционной метафизики с её приверженностью логике тотальности и бинаризму – неизбежно в итоге милитаристскому.

- ¹ Федак-Шепарович Олена. «Модерний Фемінізм, Українська Жінка». Альманах "Жіночої Долі, 1929. с. 23.
- ² Українська держава творилася в підпіллі/Вікна, 25.06.2005 (перевод с украинского здесь и далее мой – И.Ж.) <http://vikna.if.ua/news/category/705/2005/06/25/1828/view>
- ³ Крайній Іван. «Жіночи обличчя ОУН-УПА», Україна молода, 09.06.2005 <http://www.umoloda.kiev.ua/number/445/163/16084>
- ⁴ «14 місяців щасття. История одной женщины на войне». https://focus.ua/society/339188/?utm_source=email&utm_medium=email&utm_campaign=mail
- ⁵ См. Спасібіна Світлана. «Доброволець "Марго". Як жінка стала командиром для побратимів», Українська правда, 21.07.2016 <http://life.pravda.com.ua/society/2016/07/21/215471/>
- ⁶ Депутатка Європарламенту Корнелія Ернст. «Європарламент не цікавить українське громадянське суспільство». Спільне. 22.12.2017 <https://commons.com.ua/uk/intervyu-z-deputatkoju-evroparlamentu-korneliyeyu-ernst-ta-bjomom-rajhelyem-evroparlament-ne-cikavit-ukrayinske-gromadyanske-suspilstvo/>
- ⁷ Кант Иммануил. «Опыт введения в философию понятия отрицательных величин». И. Кант. Сочинения в 6-ти т., т. 2. (М.: «Мысль»), 1964, с.95.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.